

Олег Врайтов

Я — ФЕЛЬДШЕР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В81

Врайтов Олег

В81 Я — фельдшер / Олег Врайтов. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Медицинский бестселлер).

ISBN 978-5-17-100963-2

Нет перерывов в работе «Скорой помощи». Нет выходных, нет праздников, нет больничных и нет отгулов. Двадцать четыре часа в сутки люди, набирающие заветные цифры «03», должны слышать: «Вызов принят, ждите, бригада будет». За всем этим стоит один-единственный человек, отвечающий за все. И волей судьбы сейчас, на данный момент, этот человек — ты. Ты не имеешь права на ошибку, не имеешь права на эмоции, не имеешь права на усталость и раздражение, на болезненное состояние. Ты имеешь только обязанности, которые нельзя обойти и игнорировать. Нелегко.

Но иначе нельзя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 10.11.16 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. п. л. 16,80. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

СМЕНА

Утро выдалось серым, дождливым. Мерзким каким-то, неприветливым. В такое утро больше всего хочется, едва открыв глаза, снова закрыть их, спрятаться подальше под одеяло, включить по-сильнее обогреватель, засунуть под одеяло мурчащего кота и уснуть, как минимум, на полгода.

Нельзя. Впереди — сутки работы. Сутки беготни, недосыпания, жалоб, холода, вони... Тот серый дождь, что сейчас колотит по оконным стеклам, будет барабанить мне прямо по голове, затекать за шиворот, лезть в глаза, хлюпать в туфлях. Ветер, от которого ходит ходуном плохо заклеенная форточка, будет забираться за отвороты куртки, хватать за бока своими ледяными лапами, валить с ног, забиваться в ноздри, провоцируя длительное «апчхи!» и шмыганье носом. Будет холодно, промозгло, раздражающе надоедливо, злобно-тоскливо. Мерзко. Но — необходимо.

Я — фельдшер «Скорой помощи». Я работаю на выездной бригаде, сутки через двое, за грошовую зарплату, с нелюбимым доктором, в холодной неотопливаемой машине.

Я люблю свою работу.

Может, поэтому меня и называют Психом?

* * *

Подстанция встречает меня привычным утренним гомоном, суетой, облаками табачного дыма, плывущими с крыльца, руганью и ревом автомобильных моторов. Святое время для персонала — пересменка. С семи до восьми утром и вечером комплектуются новые смены бригад, молчит ненавистный селектор, есть время перекурить и проглотить кусок булочки всухомятку, а, если повезет — выпить горячего кофе.

Двор забит санитарными «ГАЗелями», поодаль скучает «УАЗик» фельдшерской бригады, посреди двора, распахав всех прочих, горделиво выпятил мигалки «Соболь» реанимации. Фельдшера, с красными от бессонницы глазами и угрюмыми заспанными лицами, таскают через двор скатанные постельные принадлежности, тяжелые сумки с кислородными ингаляторами, обшарпанные свинцовые укладки с хирургией, волоком тащат чехлы с костылями и иммобилизационными шинами, ухитряясь при этом наспех затягиваться сигаретным дымом, пожимать руки вновь прибывшим и ругаться с водителями.

— Саша? Саша!

- Че орешь, как потерпевшая? Тут я. Тебя-то где хрен носит?
- Ты на какой машине?
- 683, глаза разуй! Что, нах, повылазило? Вон стоит.
- Тогда помоги, тут вещей столько!
- Да иди гуляй! Вон машина, открыта, куда что ложить — разберешься.
- Саш, ну совесть у тебя есть? Кардиограф хоть возьми!
- Нахрен мне твой кардиограф! Стукну еще где — потом не расплачусь. Сама тащи.

Девушка работает у нас недавно — чуть не плачет, а сказать ничего не может. Мне ее становится жалко — форменную куртку ей еще не выдали, а зеленая ветровка, надетая поверх летней формы, не согреет и чукчу в субтропиках. Она, сгорбившись, стоит посреди двора, зажав под мышкой одеяло с подушкой, ухитрившись при этом нацепить на шею сумку с кардиографом, и еще пытается ухватить тяжелые шины. Водитель — наглая жирная рожа, тоже работает у нас не так давно — стоит под бетонным козырьком, предусмотрительно укрывшись от дождя, и курит «Приму», пуская вонючий дым в потолок.

Подхожу к нему. Рожа расплывается в улыбке, тянет руку для приветствия. Руку я демонстративно не замечаю.

— Александр.

— Чего?

— Тебя русским языком твой фельдшер *просит* помочь.

Рожа открывает рот, явно собираясь выплеснуть на меня что-то по родительской линии — но не успевает. Я сгребая его за шиворот и, слегка приподняв, от души прикладываю его затылком о бортовую стоящую рядом «ГАЗели».

— Ты... ты... нах... че?!

— Ты, козел кастрированный, если не понимаешь по-русски, будешь обучаться по-козлиному, — сообщаю я ему. — Это — первое.

Девушка, приоткрыв глазки и рот, ошарашено смотрит на происходящее.

— Фельдшер — это твой непосредственный начальник, после врача, конечно, — продолжаю я. — Его слово для тебя, говнюк, закон, распоряжения его ты выполняешь быстро и без пререканий. Это — второе.

Водитель Александр не возражает, потому как занят отдираанием моих пальцев от своего горла и натужно сипит. Бесполезно — если он не в курсе, то ему уже сегодня расскажут, на какой бригаде я проработал пять лет в свое время и какую репутацию имею.

— И третье, — я отпускаю его горло и как следует врезаю ему под дых. — Оно же — последнее.

Рожа сгибается пополам, глотая ртом воздух. Я наклоняюсь к нему, по-приятельски кладя руку на плечо.

— Ты на выездной бригаде — никто, технический персонал, прослойка между рулем и сиденьем. Твое слово ничего не значит, твоего мнения никто не спрашивает, твои пожелания никого не интересуют. И если вдруг я узнаю, что ты забыл эти три истины...

Взяв его за воротник куртки, я снова прислоняю страдающего Александра к погнутому борту машины.

— Тогда ты у меня, свинячий выкидыш, пожалеешь, что не остался на своей маршрутке. Даю тебе слово. А теперь — взял шмотки и потащил их в машину. Бегом.

Водитель тяжело дышит, явно пребывая в раздумьях, то ли начинать драку, то ли подождать, когда я повернусь спиной. Я не поворачиваюсь, в упор разглядываю его, как будто вижу в первый раз. Наконец он не выдерживает, сгребает стоящую на асфальте хирургию, что-то прошипев стоящей девочке. Она испуганно шарахается от него.

Вздыхаю.

— Иди сюда.

Она опасливо приближается, словно всерьез верит, что я могу внезапно кинуться и покусать.

— Тебя как зовут?

— Алина. — Голосок испуганный и дрожащий. Повезло девочке, нечего сказать.

— Если он попытается отыграться на тебе, Алина, дай мне знать. Ладно? Я на четырнадцатой бригаде работаю.

— Ладно.

Ага. Сразу видно, что первым делом побежит.

— И почему я тебе не верю?

Беру ее за плечи, уводя с мерзкой мороси под защиту козырька. В небольшом проходе стоит лавочка, теоретически предназначенная для желающих перекурить сидя. На самом деле она завалена вещами бригад, с оставленными кое-где промежутками для караулящих эти вещи. Я, отпихнув ящик с мешком Амбу*, усаживаю девочку на край лавки.

— Ты — фельдшер, — говорю ей. Словно лекцию читаю. — С этим согласна?

Кивает. Уже хорошо.

— Ты не дворник в городском парке. И не официантка в забегаловке. Тебе сейчас предстоит сутки мотаться из конца в конец, бегать по этажам, таскать носилки, переть на себе оборудование — а еще проделывать те манипуляции, которые вон то чмо, — последние слова говорю громко, поскольку приближается обиженный и горящий жаждой мести Александр за последней порцией вещей, — в жизни не проделает со своими неполными тремя клас-

* Резиновый баллон для проведения искусственного дыхания.

сами образования. Например — колоть в спавшиеся вены, втыкать зонд в глотку орущего и сопротивляющегося двухлетнего пацана, вводить уретральный катетер бомжу и чистить гнойные раны, в которых даже опарыши дохнут. А еще — сорок пять минут ломать кому-то ребра, пытаюсь вытащить его с того света, под аккомпанемент матерящихся в твой адрес родственников. Ты на себе несешь такую ответственность и нагрузку, которую он и вообразить себе не может. При всем при этом ты получаешь зарплату гораздо меньше, чем у него.

Алина испуганно моргает глазами.

— Но он же ругаться будет...

— Главный в бригаде — врач, — жестко говорю я. — Если он язык в жопу засунул — то есть старший врач. Есть заведующий подстанцией. Есть старший фельдшер. Есть главный врач, в конце концов. И если ты думаешь, что некому будет приструнить ублюдка, то глубоко ошибаешься. После врача в бригаде главная ты. А потом уже — водитель. И если ты ему позволишь командовать собой сейчас, с самого начала, то потом это уже не остановить. Поняла?

Кивает.

— Ну, беги давай.

Девочка убегает, оглянувшись. Интересная девчонка. Пугливая только какая-то.

Я поднимаюсь на крыльцо, здороваясь с теми, кто там находится.

— Перекуришь, Псих?

— Если легкие одолжишь.

Смеюсь, обнимаемся с Серегой, хлопая друг друга по плечам. Мы долго работали вместе на одной бригаде, смена в смену, хохмочки друг друга знаем наизусть. Он — это один из немногих, кого я рад видеть, приходя на смену.

— Как прошлое дежурство?

— А, никак. Всю ночь, как вокзальных проституток — долго, конкретно и практически бесплатно.

— Поспали хоть?

— Полчаса. Потом сорвали на контрольное изнасилование.

— И что там?

— Отек легких.

— Ну-ну. Сняли?

— Сняли. И отвезли.

«Контрольное изнасилование» — вызов перед самой утренней пересменкой, когда ты уже собираешься сдавать барахло, перегружать машину и стягивать с себя промокшую и запачканную после ночи форму. Редко кто, схлопотав такой вызов, не ругнется. Зачастую — при больном. Или на больного. Станные, все-таки, существа — люди. Все они сознают, что им нужно спать, вовремя и полноценно питаться, отдыхать после работы. И, тем не менее, нас за

людей они, видимо, не считают, потому что, вызвав бригаду в такую рань, когда сон самый крепкий, когда уже еле ноги переставляются после непрерывной почти суточной суеты, а глаза открываются только по одному, они еще возмущаются. Ах, как долго мы едем! Как плохо лечим! За что нам только зарплату платят? Наши сонные физиономии вызывают у них чувство отвращения и праведного негодования. И действительно, как мы можем хотеть спать, когда они-то не спят!

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я прислушался. Из учебной комнаты доносился громкий голос старшего врача, монотонно зачитывающей дремлющим медикам суточный рапорт — сколько было перевозок, сколько стенокардий, инфарктов, «острых животов», кто и как словил труп «в присутствии бригады». Очень нужная информация с утра... Особенно тем, кто всю ночь не спал.

Из комнаты реанимации доносился дежурный хохот. Интересно, почему они всегда смеются? По идее, смерть они видят чаще всех остальных. Каждый их вызов — это травмы, утопления, поражения электрическим током, ножевые ранения, дырки от пуля и сочащиеся кровью трещины в черепе от удара арматуриной. Вероятно, срабатывает защитный механизм психики.

— НА ВЫЗОВ БРИГАДЕ СЕМЬ, СЕДЬМОЙ, — оживает селектор.

Я пожимаю руки трем сумрачным людям, идущим мне навстречу. Жму крепко, от души. Это — «психи», седьмая психиатрическая бригада. Если уж и говорить об опасности работы на «Скорой помощи», то начинать следует с них. Психбригада у нас всего одна, на весь город, им приходится по шесть — по семь часов проводить в дороге, обслуживая один-единственный вызов, поступивший откуда-нибудь с села Веселого или аула Шхафит. И все эти часы связаны с напряжением и неусыпной бдительностью — иначе легче легкого схлопотать нож в бок или веревку на шею. Почти каждый второй психбольной агрессивен, практически все оказывают сопротивление при госпитализации, не стесняясь использовать все, что под руку попадает. Это у милиции есть табельное оружие, бронежилеты, дубинки, наручники — и разрешение все это использовать, разумеется. А «психов» есть только вязки — длинные полосы из грубой ткани, которыми связывают руки — а часто и ноги — особенно прыгучим больным. Больные, по сути, не преступники, поэтому силу применять к ним нельзя. Но посмотрел бы я на того, кто поработал бы на бригаде хотя бы сутки, не применяя силу. И все, что под руку попадет.

Открываю дверь в свою бригаду. Врач моя еще не пришла, отработавшая смена дружно пьет чай и цинично курит в распахнутое окно. Я демонстративно ёжусь.

— Прохладно, ребятки.

— Ничего, сейчас надышишь, — флегматично отвечает доктор Власин, затягиваясь в последний раз и шелчком пальца отправляющий сигарету в долгий полет на стационарный газон. Медсестра Аня не разговаривает со мной с тех пор, как я перешел на их бригаду. В принципе, тому есть причины, хотя я бы на ее месте отнесся к критике более терпимо. Особенно, если критика имеет под собой веские основания. Сдать мне грязную терапевтическую сумку, с полным использованных игл контейнером, пятнами крови на полотенце и осколками ампул на дне — и после этого не ждать моего праведного возмущения?

— Я штаны переодеть могу? — холодно интересуется Аня.

— Может, — прищуриваюсь. — На вид ты еще дееспособна.

— Выйди тогда!

— Пожалуйста, — чежу сквозь зубы. — Есть такое волшебное слово.

— Антон, не выпендривайся, а? — подает голос Власин, закрывая окно. — Дай девочке переодеться.

— Я ее и не держу за руки. Пусть переодевается — я не стесняюсь.

— Я стесняюсь! — краснея, рывкает Аня.

— Вот и чеши в туалет. В женский. Там ты своими прелестями никого не удивишь. Да и в мужском, наверное — тоже.

— Антон!

Мимо меня проносится беловолосый вихрь с пламенеющими щеками, яростно хлопнув дверью.

— Антон, — укоризненно повторяет Власин. — Некрасиво себя ведешь, ей-Богу!

— Почему? — удивляюсь я, расстегивая сумку. — У нее времени был вагон и маленькая тележка сменить чешую, пока меня не было. А она курила вместо этого, да еще в комнате. Что, кстати, запрещено. Мне теперь сутки предстоит дышать здесь тем, что вы сейчас накопили. И после этого она меня пытается выставить, даже не извинившись за загаживание воздуха...

— Какая ты, все-таки, зануда, Вергинский, — сплевывает врач. — Как с тобой кто-то еще может общаться, кроме твоих «психов»?

— Долгая тренировка плюс искреннее желание овладеть навыком.

Власин уходит. Я натягиваю на себя форму, застегиваю наглухо осеннюю куртку, которую предварительно охлопываю по карманам. Воровством, конечно, на этой бригаде не балуются, но пошутить могут. В прошлый раз рукава завязали, до этого — запихали в карманы презервативы, наполненные водой. Но на сей раз безвестные шутники присмирили — карточки и сообщения в поликлинику в неприкосновенности, без хамских надписей, ручка цела, контрацептивов в карманах не наблюдается, бумажки «Дай мне по задни-

це!», закрывающей вышитую надпись «Скорая помощь», на спине тоже не наклеено. И на том спасибо.

Выхожу в коридор, смешиваясь с шумящей толпой повалившихся с окончившейся пятиминутки врачей и фельдшеров. Спускаюсь обратно на первый этаж, обмениваясь приветствиями с вновь прибывшими и уже уходящими. Большие электронные часы над диспетчерской показывают «07:54». Это значит, что у меня есть еще шесть минут для того, чтобы принять смену, распахнуть медицинский инвентарь по машине и быть готовым выехать по первому зову селектора хоть к черту на кулички.

Бригадную сумку терапии обнаруживаю в ячейке заправочной — комнате, где все бригады пополняют недостающие в укладках медикаменты и медицинский инструментарий. Сама она отделена от общего помещения металлической решеткой, за которой смертельно уставшая Яночка — дежурный фельдшер — отбивается от насевавших на нее сразу четверых фельдшеров и двух врачей, каждому из которых нужно что-то срочно сдать, получить, пополнить, списать и сдать на стерилизацию. Я машу ей рукой, но она этого не замечает, полностью погруженная в пререкания. Ну что же, не обижусь, ей сейчас несладко. Бегло просматриваю сумку. Все ампулы на месте, жгуты (на этот раз) аккуратно свернуты и засунуты в кармашек, шприцов ровно двенадцать, полотенце чистое, а на нем лежит стопка расходных листов. Более толстая, чем необходимо. Вероятно, Анечка болезненно восприняла мои слова о том, что половину сменны мне пришлось оформлять расход медикаментов на сообщении в поликлинику. На верхней расходке размашисто выведено Аниным почерком «Подавись!!!». Я лишь улыбаюсь. Разгневанный враг — наполовину поверженный враг.

Машина, хвала Всевышнему, уже загружена. Пожимаю руку водителю Валере, заглядываю в салон. Ну, умница, умница! Все на своих местах, шины пристегнуты к шкафчику хомутом, дезрастворы аккуратно упрятаны в ведро для пустых шприцев, даже постель растелена и закрыта непромокаемой клеенкой.

— Анька помогала? — задаю риторический вопрос.

— Она не мешала, — отвечает водитель.

Смеемся.

Распечатываю пачку «Винстона», сдираю фольгу и достаю первую сигарету.

— Как думаешь, загоняют? — интересуется Валера.

— Пусть попробуют, — задиристо отвечаю я, прикуривая. — Мы и не таких...

— НА ВЫЗОВ БРИГАДАМ! — просыпается диспетчер направления. — ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ, БРИГАДЕ ДЕСЯТЬ, БРИГАДЕ ОДИННАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТОЙ, ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ, ШЕСТНАДЦАТОЙ, ВОСЕМНАДЦАТОЙ!

— Посчитали, мать их ети, — горестно восклицает Валера. — Не успело утро начаться. А у меня реванш пропадает.

Я проследил направление его взгляда в закуток, где обычно стоит «ГАЗель» седьмой бригады. Там для водителей оборудован стол, где они сутки напролет режутся в подкидного дурака и «шестьдесят шесть». Четверо игроков, как раз сейчас, искаившись лицом, бросают карты на стол, направляясь к машинам.

Понимаю. В прошлый раз Валерка жаловался, что просадил за вечер тридцать пять сигарет. Для него, как для отчаянно курящего, это действительно большая потеря.

Отшвыриваю сигарету, направляясь опять в заправочную, за сумкой.

— Здравствуй, Антоша, — устало произносит Яночка, заполняя бесконечные бумажки.

— Здравствуй, моя хорошая. Заколебали?

— Смена есть смена, — пожимает плечами девушка, не переставая строчить в журнале. — Все одно и то же изо дня в день. Вас уже позвали?

— Угу.

У окошка диспетчерской уже сгрудились врачи объявленных бригад. Каждый получает карту вызова, внимательно рассматривает ее и тут же комментирует. Заслушиваюсь иногда, честное слово!

— ... опять эта старая лошадь вызвала. Господи, да когда она уже...

— ... ну какое «сердце болит» может быть в девятнадцать лет! Совсем охре...

— ... «Лежит мужчина». Ну и нехай лежит, хiba ж нас трепать, як скаженных? От подивись! Та вин же ж пьяный, поди, як зараза, а тая тварь лютая звонить! Сама бы там и зробыла чего — тряхнула бы або спытала, як вин себе чуе! Ну...

— ... за шоколадками поедем. Снова Бойченко вызывает. Не спится же с утра гадине...

— ... температура, десять лет. Вот мамаша пошла, мать их! Не знают, что при температуре делать! Чему их только...

Да, непосвященному человеку в самый раз лопнуть от злости, слушая такое. Это говорят врачи, «люди в белых халатах», дававшие клятву Гиппократа! Да как у них языки поворачиваются такое произносить! Ну, «Скорая помощь»... А вот посадить бы такого недовольного на выездную бригаду, и прокатить бы его по все вот этим вызовам — посмотрел бы я тогда на него, следующим утром. Он бы в корне пересмотрел бы свои взгляды на отношение к вызовам, когда, например, он узнал бы, что «старая лошадь» Клуценко вызывает бригаду ежедневно, утром и вечером, чтобы ей перемеряли давление и сказали, одну ли таблетку сиднофарма принимать или хватит половины; что сердце «болит» у молодой истерички, решившей таким образом продемонстрировать своему

столь же юному и не в меру ревнивому мужу, как ей становится плохо от его постоянных претензий; что лежащий мужчина в восьми из десяти случаев оказывается в доску пьяным бомжом, который обложит врача и фельдшера (а у нас подавляющее большинство персонала — женского пола) в четыре этажа такими словами, за которые удавить не стыдно; что бабушка Бойченко вызывает к своему хроникеру-мужу на ежедневную инъекцию коктейля «баралгин-магнезия-эуфиллин», которую должна, в идеале, осуществлять участковая медсестра. Только никто не интересуется подробностями. Зачем они простым смертным?

Вот, однако, врач детской бригады взяла карту, бегло скользнула по ней взглядом и подтолкнула стоящего рядом фельдшера:

— Три года, судороги. Побежали.

Действительно, обоснованный повод к вызову. Судороги — это явление серьезное. Но не температура 38,7 °С, которую молодая мамаша просто не знает, чем сбивать.

Беру карточку нашей бригады. Семь лет, девочка, повод — «упала с кровати». Не знаешь даже, смеяться или пугаться. В прошлый раз было «плохо в туалете». Иногда диспетчера по части формулировки поводов переплывают известного хохмача Колю Фоменко.

— Антон, взял?

По коридору неторопливо шествует Офелия Михайловна, врач моей бригады. Мы с ней друг друга терпеть не можем, но по умолчанию соблюдаем до зубов вооруженный нейтралитет при совместной работе. Худой мир лучше доброй ссоры. А ссоры у нас были весьма добрыми...

— Да.

Офелия пробегает глазами содержимое карты. И ожидаемо открывает рот.

— Оля! А что, детскую на этот вызов никак послать нельзя?

— Они на судороги поехали! — злобно отзывается Оля, отделенная от разгневанного врача решеткой окна диспетчерской. — Может, вернуть?

— Что, обе бригады поехали?

— Офелия Михайловна, отвяжитесь! — кричит Оля. Война Офелии с диспетчерской длится уже не первый год. — Все вопросы к старшему врачу! Дали вам вызов — езжайте!

— Сама езжай, шалашовка драная! — бушует Офелия. — Тебя бы, кикимору, по таким вызовам погонять, да в гору по гололеду!

Я поворачиваюсь спиной к разразившейся буре и иду в машину. К подобным сценам я уже привык. Михайловна практически каждую карту вызова, полученную из рук диспетчера направления, подвергает такой цензуре, что и главный редактор газеты покраснеет. Сейчас на шум прибежит старший врач, и сцена скандала растянется, как минимум, минут на десять.

Машина уже рычит, выбрасывая белые облачка выхлопных газов. Залезаю в салон, зябко ёжась. В машине гораздо холоднее, чем на улице.

— Бузит? — интересуется Валера.

Киваю.

— Печку не забудь.

— Да достал ты своей печкой. Включу, как машина согреется.

— Ну-ну.

Ждем, от скуки наблюдая за медленно ползущей вверх стрелкой индикатора температуры.

— Ну, скоро она там? — не выдерживает водитель. — Там большой окоцурится, пока она лясы точить будет.

Словно услышав его, на крыльце возникает Офелия Михайловна, договаривая что-то в закрывающуюся дверь, что-то явно нелестное и малоцензурное. Смотрю на часы — задержка выезда уже восемь минут. Это — один из аспектов, почему я не люблю работать с Офелией. Согласен — три четверти наших вызовов малообоснованны, зачастую — необоснованны вообще — но задерживать выезд нельзя. С диспетчеров что спрашивать? Они же больного не видят. И принимать, согласно действующему законодательству, обязаны все вызова, даже зная, что вызывает очередная Клущенко. Орать нужно на вызывающих — и то, после приезда на место в максимально короткое время.

— ... проститутка! — рычит Офелия, звучно бахая дверью машины. Это она явно продолжает незаконченный разговор со старшим врачом. — Вонючка траханная! Дрань подзаборная! Поехали, чего стоишь!

Валера даже не огрызается — знает, что бесполезно и чревато. Если этот персонаж Шекспира вошел в раж, цепляться с ним эквивалентно попытке поиграть в салочки с укушенным за известное место быком. Машина трогается с места.

Бросаю сквозь стекла задних дверей взгляд на ставшее почти родным трехэтажное здание подстанции. Когда я теперь его увижу?

* * *

Смена начинается с пятого этажа. Народная медицинская примета — как смену начнешь, так она и пройдет. Лифт, естественно, в пятиэтажках не предусмотрен. Михайловна все бурчит, поднимаясь по грязным степеням. Я шагаю следом, стучаясь углами терапевтической сумки об узкие подъездные повороты. Звоним в обитую грязным дерматином дверь.

Ее открывает женщина со скуластым злым лицом, запахнутая в грязноватый халат и наряженная в заношенные тапочки.

— Наконец-то! Вас сто лет можно ждать.

— Можно, — не выдерживаю я, опережая Офелию. — Можно и двести.

Мамочка только рот приоткрывает в ответ на такое хамство.

— Больную показывайте, — рявкнула Офелия, опережая мамашу. — А ля-ля свое потом справите.

Мы проходим через прихожую, насквозь пропитанную запахами псины, нафталина и пригоревших котлет, конвоируемые онемевший на какое-то время мамашей. Под ноги нам выскакивает и начинает активно егозить полупородистая собачонка, явно вознамерившаяся совершить суицид под моими ногами.

— Собаку уберите, — сердито говорю я. — Неужели тяжело было это сделать до нашего приезда?

— Она...

— ... не кусается, — заканчиваю я. — Знаем, слышим на каждом вызове. Только это для вас она не кусается. А вот будем вашему ребенку делать укол — он начнет кричать. Кто собачке объяснит, что мы ребенка лечим, а не мучаем? Вы?

Входим в комнату. Детская довольно тесная, к стене притиснута двухъярусная кровать. Понятно. С такой, действительно, упасть можно с последствиями. На стульчике сидит девочка начального школьного возраста, в пижамке, расшитой бабочками, прижимающая к затылку мокрое полотенце и смотрящая на нас испуганными глазами. И еще более испуганными — на мамашу. Воображаю, чего она ей наобещала до нашего приезда....

Ставлю сумку у стены, присаживаюсь на корточки возле девочки.

— Ну-ка, зайчонок, покажи, что у тебя там...

Слава Богу, зайчонок оказывается дисциплинированным и понятливым — покорно убирает полотенце, давая мне нащупать в затылочной области головы шишку. Небольшую, слава Богу.

Свободный стул мгновенно оккупирует мамаша, пристально наблюдая за мной. Доктор, хмыкнув, кладет тонометр на детскую кровать и, пристроив карточку на стенку, начинает писать. Мамаша, поняв намек, делает загадочное движение нижней челюстью и выходит за вторым стулом.

Гематома на ощупь теплая, но ранки нет, светлые волосики ничем не запачканы.

— Голова не болит?

Девочка отрицательно мотает предметом обследования. Да, если бы болела, так бы не трясла...

— В глазах не двоится? Не тошнит?

— Нет...

— А где болит?

— Там, где шишечка.

Все понятно. Обошлось без сотрясения или чего похуже, хотя последнее слово все равно за хирургом стационара.

Офелия Михайловна, расположившись на освободившемся стуле, неторопливо пишет карту вызова. Входит мама с табуреткой в руках, решительно присаживается возле врача.

— Что с ней, доктор?

— Ушиб затылочной области... — начинает Офелия.

— Ясно, она, как упала, сразу затылком стукнулась. Я ей сколько раз говорила, чтобы не баловалась на кровати. Говорила я тебе, зараза такая, или нет? Чем только слушает... У меня аж давление подпрыгнуло. Вот, — мамаша проворно выгребла из ящика какие-то лекарства, — мне ваш участковый назначил принимать нифедипин и адельфан. А утром приняла таблетку, перемерила давление, оно у меня еще выше было. Я приняла лазикс, трижды сходила мочиться, потом снова измерила...

Мы с Михайловной обменялись недоумевающими взглядами.

— Стоп-стоп! — врач остановила мамашу, уже закатывающую рукав халата, явно с намеком на проведение нами тонометрии. — Я не поняла — мы к кому приехали?

— К вам или к ребенку? — поддакнул я.

— Это... ну, к Машке, конечно, — запнулась мать семейства. — Вот, там у нее шишка сзади, я ей полотенце мокрое положила. А потом снова приняла нифедипин, потому что голова кружиться начала. И мне он что-то не помог. А сейчас, до вашего приезда, давление было 150/100.

Ох, этой маме нужно нашим диспетчерам ноги целовать, честное слово. Если бы Офелия на них утром пар не выпустила, сейчас такое бы началось!

— Какое, вы сказали, давление? — глухим от злости голосом переспрашивает врач.

— 150/100.

— И что?

— Как — что? Оно же высокое. Я вот едва по квартире хожу.

— А я с таким вот давлением на вызова езжу, — цедит Офелия. — И всяких двинутых выслушиваю, которые за своими детьми следить не умеют.

— А... эп...

И дыхание в зобу у этой вороны сперло!

— Вы нас для чего вызвали? Ребенок у вас упал? Так мы и будем заниматься ребенком! А свое давление можешь себе знаешь куда засунуть?! Что ты мне своим давлением тычешь? У меня дважды за смену предкризовое состояние бывает, я с нитроглицерина не слезаю — а еще по пятым этажам, как та девочка, бегаю! Мать, называется! Ребенок с разбитой головой сидит, а она мне тут про свое давление долдонит!

— Да вы... да я..., — прорезается голос у мамы.

— Что — ты? Что — ты? Ты лучше лекарства свои держи в другой комнате, потому что в следующий раз твое дитё таблеток наглотается, а ты и ухом не поведешь!

— Вы... вы... вон! Вон отсюда!

Ребенка вот только жалко. Подбираю с пола игрушечного Карлсона и передвигаюсь, закрывая безобразную сцену от детских глаз.

— Машенька, а это кто?

— Это Карлесон, — шепчет Машенька, все еще ошарашенная происходящим.

— А где он живет?

— На крыше. С Малышом.

— А как он на крышу попадает? Страшно по крышам же лазить.

— У него моторчик сзади. Вот, вы разве не видите? Он кнопочку на животе нажимает — и моторчик жужжит.

Нажимаю — и правда, пластиковый моторчик приходит в движение, больно хватив меня по указательному пальцу, начиная жужжать. Более того, Карлсон радостно выкрикивает, хоть и заедающим, но все же узнаваемым голосом Ливанова: «Я в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил!».

Каркающий голос киношного Шерлока Холмса отвлекает орущих друг на друга женщин. Поднимаюсь с колен.

— Доктор, сотрясения мозга нет, всего лишь подкожная гематома*. Очаговой симптоматики не выявлено, анизокория** и нистагм*** отсутствуют.

Вот так вот, позаковыристей до понаучнее! Деморализует homo imprudentis**** моментально. Мамаша осекается, подавленная волной незнакомых слов.

— Значит так! — вклинивается в паузу Офелия Михайловна. — Ребенка нужно показать детскому невропатологу и хирургу, для исключения отсроченной симптоматики ЧМТ*****. Я предлагаю вам поехать в детскую больницу...

— Никуда я с вами не поеду! — истерически вскрикивает мамаша.

— Ваше дело! И ваш ребенок! Мое слово такое, а решайте дальше сами. Вот, в карте распишитесь.

— Нигде я ничего расписывать не буду! Я... на вас вашему... кто у вас там? Жалобу напишу!

— Да ты... — вскидывается Офелия.

— Позвольте! — я аккуратно влезаю между ними, оттесняя мамашу в коридор и закрываю за собой дверь.

— Пустите!

— Я вас и не держу. Послушайте меня — прежде чем жаловаться.

— Что?

* Ограниченное скопление крови.

** Разный размер зрачков, появляющийся при сдавлении головного мозга (опухолью, гематомой, отеком и т. п.)

*** Непроизвольные колебательные движения глаз.

**** Homo imprudentis (лат.) — человек несведущий.

***** Черепно-мозговая травма.